

Гульчера БЫКОВА

профессор БГПУ, член Союза журналистов России

От редакции. Думается, не ошибёмся, сказав, что у публикуемой в «Амуре» прозы Гульчеры Быковой есть давние и верные поклонники. И автор, не так давно сменивший статус новеллиста на романиста (смотрите в разделе «Книжная лавка» рецензию на роман «Ника из созвездия Козерога»), своего читателя удивлять не перестает. В предлагаемом вашему вниманию рассказе можно обнаружить все «фирменные» особенности прозы автора «Ники» – умело переданные детали быта, суггестивность и живописность описаний, умение создавать запоминающиеся характеры и сюжетные перипетии. Но вместо автобиографического рассказа, так полюбившегося поклонникам Г. Быковой, автор предлагает вымышленную историю на, казалось бы, тривиальную тему – про «седина в бороду...», неожиданно превращающуюся в вариацию на другую узнаваемую, но совсем не тривиальную – «любви все возрасты покорны». Да, что ни говори, рассказ (автобиографический или «полностью придуманный») для Гульчеры Вахобовны – самая настоящая жанровая доминанта, с которой автор обходится чрезвычайно изобретательно, оставаясь при этом верным себе. И своему читателю.

Рассказ

СВАТЬЯ

– Ох! Не врут люди, не брешут! Есть любовь, чёрт бы её побрал! Полста лет жил без неё, окаянной, и горя не знал! Век бы ещё не видал! Так нет же, пристала, как банный лист, и не отцепится, проклятушая! Да будь хоть как у людей, а то ведь срам сказать и грех таить. Нашёл в кого влюбиться! Правду говорят, седина в бороду – бес в ребро... Ну не дурак ли?

Так ругал себя, на чём свет стоит, электрик Алексей Петраков, привычно шагая на работу. Он не был красавцем, всегда трезво оценивал себя и потому пристрастно относился к своей внешности. Ну не было в нём того, на что западают женщины: волосы какого-то неопределённого цвета, такие же белесые брови, небольшие бледно-голубые глаза, светлые ресницы, нос не понять какой формы, губы – так себе, а уж подбородок... Эх, да что говорить! Ничего примечательного нет ни в лице, ни в фигуре, даже собственная походка не нравится! Пробовал посоветоваться с деревенским горбуном, многожёнцем, любимцем женщин, тот сказал, как отрезал:

– Несмелый ты, паря, и молчун. Бабы это за версту чувуют... Понимаешь, это наш брат, мужик, глазами любит, а бабы любят ушами.

– Как это? – оторопел Алексей.

– Ну, того... с ними надо по душам говорить, хвалить, обещать сто вёрст до небес: «Ты моя принцесса, цветочек, рыбка моя, нет тебя краше» – мёдом не корми, как любят слушать. А то ещё: «С неба звёздочку достану и на память подарю». Они, дуры, всему верят, – делился опытом деревенский донжуан.

– Экой ты бесцветный, – говаривала обычно и мать, поглаживая маленького Алёшу по белесым вихрам. – А уж тихоня, каких свет не видывал. В кого такой уродился? Братья – драчуны и забияки, с улицы не загонишь. Ну что ты по углам жмёшься? Поди, побегай!

Он слушал, опустив голову, и молчал. Знал, что куда не пойдёт. Отсидится в уголке с книжкой. Или с лобзиком провозится часами, выпиливая на тонких досточках замысловатые орнаменты. Ещё приноровился по дереву заточкой резать – дед показал. Стал гардины мас-

терить, а то наличники для окон либо украшения на ворота. Сначала для семьи, потом для родственников, а там и соседи к матери с поклоном пошли. Расплачивались чаще курочкой, салом, рыбицей копчёной. Мать отмахивалась, смущалась, понимая: красота своё берёт, её душа просит, каждому хочется к красоте прикоснуться...

В шумную ватагу пацанов не тянуло, где его и обижать-то не обижали (о братьях всяк помнил), но и за своего не считали. После школы, недолго думая, поступил в техникум на электрика, где братья учились. Из-за них, считай, специальность выбрал: в другом-то месте его бы в первый же день поколотили да деньги отобрали. Да мало ли что могло приключиться с подростком, что город в глаза не видел и сдачи никому не давал.

Студенческие годы тихо и незаметно прожил в общежитии. Учился так себе – ни шатко ни валко. Сидел смирно в задних рядах, на зачёт или экзамен заходил последним и на высокие отметки не претендовал: что поставят, то и ладно, лишь бы не двойка. Правда, отличался на практике, потому как руки ловкие и сызмальства к работе приучены. Это и ценили в нём училищные мастера, в пример отличникам ставили.

Влюбиться не решился: девчат боялся, а те и сами его в упор не видели. Так и в школе было. Он привык к такому невниманию со стороны прекрасного пола и воспринимал это как должное.

В армию не взяли: сердце по молодости пошаливало. Не знал – радоваться или огорчаться такому повороту. По распределению попал в отсталый совхоз. В большом хозяйстве работы у электрика – выше крыши. Несуетливый, немногословный, дотошный в ремесле, Алексей успевал и на фермах, и на комбикормовом заводишке проводку латать и совхозников выручал, если по его части помощь требовалась. Поначалу всем подозрительно было: водку не пьёт и за калымную работу денег не берёт. В селе недоумевали, но постепенно зауважали. О человеке не по словам, а по делам судят.

Жил в полупустом доме – не то общага, не то гостиница – для специалистов и приезжих. Приходил поздно, мылся холодной водой, на ужин съедал, что в столовой

днём прикупал, и валился в кровать на скрипучую панцирную сетку. Раз в неделю ходил в деревенскую баню. Иногда навещали братья, гостинцев из дома привозили, одежду.

Утром предстояло наведаться в контору, где накануне сторел распределительный щиток.

— Так, что тут такое? Ага, замыкание. Так и знал. Изоляция обветшала, истончилась или высохла, вот и перемкнуло. Надо бы и на фермах все щитки проверить, да срочных дел столько, что до профилактики руки не доходят...

Так размышлял совхозный электрик Петраков, тщательно перебирая провода, привычно изолируя их синей клейкой лентой. Щиток находился рядом с бухгалтерией. Ему было хорошо слышно сквозь приоткрытую дверь, о чём переговаривались женщины. Сначала это были обычные утренние новости о том о сём: у кого-то свиноматка ночью опоросилась, у кого-то сын уехал на соревнование, удои на ферме упали, как только на зимнее время перешли. Теперь, слава Богу, повышаются. Это случается два раза в году, ведь коровы — не люди, это люди всё стерпят. Да, вред один живому организму от этих переходов...

Внезапно разговоры стихли, в кабинете явно перешли на шёпот. «Это они обо мне», — догадался Алексей и напрягся. Не привыкшие к тихой речи, женщины вскоре незаметно для себя прибавили громкость.

— Да ты не дури: с лица воду не пить. Некраси-и-ивый... Где на всех красавцев-то напасть? Зато на сторону пялиться не будет, как мой кобелина. У-у, zenки его бесстыжие. Так имя-то зырк да зырк, одно название что красивый. Да и где теперь та красота? Уж и кудри-то повывлезли, плешь на голове с ладонь, а он всё одно по юбкам стреляет. Говорила мама про любовь обманную... Красивый муж — чужой муж, да кто матерей-то по молодости слушал? — урезонивала кого-то главная бухгалтерша, солидная женщина за пятьдесят.

— Кого это она? — залюбопытствовал Алексей.

— Да что вы пристали с этим белобрысым? И не лень меня замуж выдавать? К тому же я старше его! Мне и так хорошо, — отбивалась засидевшаяся в девках колхозная экономистка.

— Ой, ли? В девицах лучше сохнуть? А что постарше — не беда. Тебе деток пора рожать. Вон Зинка, твоя погодка, а уж опять на сносях, — поддержала главную немолодая кассирша.

— Да она в школе-то ни одного ухажёра мимо не пропускала, а теперь и вовсе с катушек сорвалась, — продолжала держать оборону экономистка.

— Каждый живёт, как может. Речь не о Зинке. Тебе, Людк, к месту прибираться надо, — гнула своё главбухша. — И он в общаге сохнет. Видно же: хороший парень! Не избалованный нашим братом, тьфу, сестрой! Бабами, проще сказать. Эх, где мои семнадцать лет? Ни за что на красавца не повелась бы!

— Такой жених пропадает! Куй железо, пока горячо! Пойдёт по рукам — поздно будет, — подпевала кассирша.

Слыша такое о себе, Алексей растерялся и не знал, как быть: то ли уйти из конторы незаметно, как пришёл,

то ли зайти в бухгалтерию, наряд отметить. Ёлки-палки! Зайти придётся: свет-то включать надо. Он повернул рубильник. Вспыхнули лампочки. В комнате охнули и смолкли. Он напрягся, собрался с духом и постучал в дверь.

— Входите, открыто, — сказала на правах старшей Марья Ивановна и ойкнула, увидев электрика.

— Здравствуйте, — произнёс он, чувствуя, что начал предательски краснеть и совсем растерялся. — Вот щиток искрил. Наряд у меня. Заизолировал, укрепил...

— Заходите, заходите, Алексей Григорич, — пропела главбухша и протянула руку.

Алексей, ни на кого не глядя, подал ей наряд.

— Сделали, значит? А мы и не слышали, как вы пришли. Долго налаживали? — хитрила смущённая начальница.

— Да нет, пустяки, — подыграв ей, соврал Алексей и мельком взглянул на Людмилу, экономистку.

Та сидела, опустив голову, и теребила кисти платка, наброшенного на худенькие плечи (в конторе было нежарко).

«Да она ещё белобрысей меня! И некрасивая! И краснеет тоже», — возмутился про себя электрик, взял протянутый через стол листок и вышел из кабинета.

Он спешил на ферму, а сам всё вспоминал светлые волосы и румянец на бледных щеках, и слова женщин, наставлявших девушку, и её суровый ответ. И снова почему-то полыхнуло жаром по щекам.

— Садись, Григорьич, прокатим с ветерком, — замахали руками проезжающие на санях скотники и придержали коня. Он на ходу неуклюже запрыгнул на стожок пахучей соломы и провалился в его мягкое нутро. Знакомый запах ушедшего лета. Совсем как в детстве... Домой бы скорее. Два года оттрубил. Ещё год ляжку тянуть. Уехать бы. Кому я здесь нужен? Ни Богу свечка, ни чёрту кочерга...

— Жениться надо, Григорьич. В селе одному не выжить. Несладко бобылём-то маяться? Девочек — эвон сколько. Выбирай любую!

«И эти туда же», — с досадой подумал Алексей и впервые посочувствовал Людмиле.

В общежитие возвращался затемно. Зимой как — поздно светает и рано темнеет. А тут ещё задержался на ферме, чинил доильный аппарат. Новые обещают через год. Вообще в хозяйстве столько старья! Будь его воля — половину бы выбросил. Как директор не понимает, что в любой момент замкнёт — и пожар обеспечен.

— Никак у меня свет горит? Вроде ж выключал. Может, братья? Обещались...

Он поспешил мимо вахтёрши к себе, у двери замешкался, не решаясь войти.

— Да уймётесь вы? — послышался из-за двери Людмилин голос. — Не к душе он мне — и всё тут. Ну что вы с ним привязались?

— Глупая ты, стерпится-слюбится. Ещё спасибо скажешь...

Алексей открыл дверь. В комнате было необычно светло. «А, это они из соседних комнат настольных ламп наташили». И стол накрыт не по-буднему. В сборе все конторские, нарядные, слегка возбуждённые, раскрасневшиеся явно не от мороза.

— А вот и хозяин! — обрадовались непрошеные гости.

— Заходи. Будь как дома, — сыпала мелким бисером начальница. — А мы тебе невесту привели. Симпатичная, образованная, скромная, а уж хозяйка — лучше не найти.

Людмила вспыхнула румянцем, зарделась от смущения. Он тоже растерялся, не нашёлся, что сказать. И покраснел с досады.

Главбухша принялась разливать борщ по тарелкам, подруга раскладывала пахучие котлеты с остывшей толчёнкой:

— У нас всё просто, по-деревенски, — оправдывались обе по поводу угощения, собранного, по всему видно, на скорую руку у разных хозяек. — Чем богаты, тем и рады.

Кассирша разнесла домашней выпечки хлеб. Выложила из бидончика на блюдо овощи, сдобрила растительным маслом.

— Ну что, хозяин, наливай по первой. Ты тутоньки один мужик, тебе и карты, тьфу, бутылку в руки.

Он раскупорил водку и разлил по стаканам.

— Ну что, — встала на правах старшей нахрапистая главбухша, — выпьем за молодых! Шоб всё у них мирком да ладком, а там, глядишь, и за свадебку.

— Нас не забудьте пригласить!

Выпили. Налили по второй. Не нашлись, что сказать, выпили молча и налегли на котлеты и винегрет, захрустели огурчиками и пилюской.

— Погреб, Настя, у вас хороший. Капуста и огурцы отменные, — неосторожно похвалила главбухша.

— Да это у ейного муженька руки из того места растут, — засмеялась молчавшая до сих пор нормировщица.

— Да, Степан мастеровой мужик, — ответила та сдержанно.

— Тебе ль не знать? — поддела начальницу осмелевшая от горячительного товарка. — В школе-то он по тебе сох. Дак нет же, тебе залётного красавца подавай.

— Да ладно вам, девки, а то сама не знаю, что нашла, что потеряла:

Говорила мама мне про любовь обманную,

Да напрасно тратила слова:

Затыкала уши я, я её не слушала.

Ах, мама, мама, как же ты была права! —

отчаянно пропела пристыженная главбухша и продолжила:

— Эх, мамочка, на саночки

Садилась я не с тем...

Но никто не поддержал поклонницу мужской красоты. И она осеклась.

Алексей с аппетитом ел домашнюю пищу, прислушиваясь к разговорам, а сам размышлял: «Как быть? Рано или поздно жениться придётся. Мужики подначивают, как, мол, с мужской нуждой без бабы справляешь-

ся? Перемигиваются и ржут, как жеребцы. Честно признаться, он сам давно о суженой мечтает. Не пень же он в конце концов. Знает точно, какой она будет: сероглазая, улыбчивая, с ямочками на щеках, с русыми волосами, с пухлыми губками, грудастая, тёплая, мягкая, пушистая, весёлая, ласковая и бойкая, не в пример ему. Жаль, Людмила совсем не такая. Можно сказать, полная противоположность его тайной зазнобе, надуманной, загаданной, не встреченной...»

— Значит, не судьба, — подытожил он и поймал себя на том, что думает обо всём происходящем как о чём-то заведомо решённом.

— Ну, молодёжь, оставайтесь, поворкуйте, — тронула за плечо довольная смотринами Марья Ивановна. — Айда, бабы, отседова, чё молодым мешать? Мы здесь лишние.

Под шутки и прибаутки гости высыпали в коридор и зацокали каблучками по бетонному полу.

В комнате повисло молчание. Первой нашлась Людмила. Она захлопотала, собирая со стола посуду. Не бросать же всё вот так. Поднялся и Алексей, стал помогать.

— Воды бы горячей...

— У вахтёрши кипятильник есть, — с готовностью кинулся он в коридор. Вернулся с полным эмалированным ведром и почерневшим старым кипятильником. Устроил всё около розетки на табурете и повернулся к девушке. Она пристально, оценивающе смотрела на него и, застигнутая врасплох, растерялась и захлопала белесыми ресницами.

Потом гостя мыла тарелки и стаканы, он сидел рядом и старательно вытирал полотенцем всё, что она подавала. Людмила уложила посуду в две сумки, стоявшие у порога, и сказала, что утром их заберут хозяйки.

— Надо бы сумки у вахтёрши оставить.

— Я завтра утром их в коридор выставлю.

— Ну вот, пойду я. Поздно уже.

— Я провожу, — засуетился он, одеваясь.

По коридору оба, не сговариваясь, пошли на цыпочках, потому что у входа на старенькой кушетке дремала вахтёрша. Однако стоило им приблизиться, как старушка вскинулась и пошла открывать двери.

— Скоро ждать вас, Лексей Григорич? А то ведь я дверь-то запру. В здании шаром покати. Техники ещё позавчёра выехали.

— Запирайте. Я в окно постучу.

— Ну тады шибчей стучите, туга я на уши-то. Ох, старость — не радость...

И полусонная вахтерша зашлёпала к лежанке.

Стояла лунная морозная ночь. Мириады звёзд сияли в чёрном небе. И только Млечный путь загадочно белел туманной полосой. Земля, плотно укутанная снегами, отсвечивала лимонным сиянием.

Алексей взял спутницу за руку:

— Скользко на тротуаре, убьётесь, — оправдался он.

Людмила руки не убрала, продолжая молчать. Они шли по пустынной улице, миновали крайний дом, вот уж и поле впереди.

— Куда мы? — заволновался Алексей.

— А пойдёте на речку, — сказала девушка. — Там каток нынче расчистили. Горку залили. Скоро Новый год. Наши сегодня говорили, а я не видела.

Пошли к темнеющим кустам. За ними и была речка, теперь скованная льдом.

С крутого берега сбегала, отражая лунный свет, ледяная дорожка, залитая для гулянья, а больше для ребятни. Внизу она заканчивалась трамплином и большим катком. Всю зиму лёд специально расчищали от снега. Директор распорядился на планёрке.

— Прокатимся? — вдруг спросила осмелевшая Людмила и потянула его за руку. И не успев больше ничего сказать, заскользила по льду. Он по инерции двинулся следом, теперь уже обхватив её за талию. В следующее мгновение они невольно присели, а потом и вовсе опрокинулись на спину. Он крепко держал девушку, опасаясь, что она свалится с ледяной дорожки, по обе стороны которой белели сугробы.

Им стало смешно, весело, беззаботно. Незаметно перешли на ты. Неловкость будто сдуло ветром, что засвистел в ушах, обжигая щёки. В следующее мгновение стремительно вылетели на чистый, янтарный под луной лёд и скользили теперь по инерции, замедляя движение.

Наконец остановились посреди реки. Людмила вскочила первой и помогла подняться ему.

— Бегом в деревню. Закоченеем!

Кинулись по скользкому насту обратно к берегу, падая, смеясь, помогая друг дружке подняться. Чтобы выбраться наверх, пришлось держаться за руки.

— Эх, ступеньки не успели смастерить, — только теперь заметила девушка.

Изрядно намучившись, с ног до головы извалявшись в снегу, они выбрались-таки наверх и побежали по полю в деревню.

— Ой, моченьки нету: ноги занемели!

Что делать? Посадив её на поваленное дерево, сдернул один, потом другой сапожок и стал греть, растирать заледеневшие тонкие ступни.

— Кто ж зимой в капроне ходит?

— Кабы знать, что на речке окажусь! Думала — в общагу да обратно, — оправдывалась она, трясясь от холода.

Он грел ей руки и ноги своим дыханием, потом расстегнул полушубок, укутал мехом её всю и замер вдруг от нахлынувшей близости. Зима все время подталкивала их друг к другу, сближала, делая это гораздо деликатнее и естественней, чем люди.

Подошли к дому. Она распахнула калитку. Молча миновали расчищенную от снега дорожку и поднялись на крыльцо. В небольшой прихожей, совмещённой с кухней, было жарко натоплено. По-домашнему пахло сдобой и печёной тыквой. Тепло, уютно и чисто было в зале, где на диване лежали шерстяной плед и большой дымчатый кот.

— Скорей ноги под одеяло!

Снял с неё сапожки и укутал настывшие ноги. Сам сел рядом и взглянул в сияющие глаза. В следующий миг, не сдержавшись, поцеловал в румяные щёки, в тонкие холодные губы. Потом ещё и ещё.

— Оставайся, Лёша, — прошептала она.

Наутро он проснулся на мягкой белоснежной постели рядом с женщиной, которая ещё вчера говорила, что не нравится он ей, не к душе. С улыбкой вспомнил о железной кровати в обшарпанном общежитии. Домашний уют и тепло укутали его, крепко повязали по рукам и ногам, отключив разум и волю. Сероглазая, улыбочивая, с ямочками на щеках, тёплая, мягкая, пушистая мечта его обидчиво надула пухлые губки и, бледнея, истаяла в домашнем уюте просторного деревенского дома, отодвинулась далеко-далеко, на самые задворки несмелой души.

Через неделю Петраковы сыграли свадьбу, ещё через год у них родились сынишки-близнецы, две отцовские копии. Надо было их растить. А как подросли, перебрались в город учить мальчишек там.

Всем в доме заправляла властная Людмила. Она оказалась холодной и неласковой. После родов не посвежела, не смягчилась, не поправилась, скорее, наоборот. Алексей побаивался жену. Дома старался бывать реже. Работал, не покладая рук, на мелькомбинате, потом подрядился электриком ещё на два предприятия. Надо было тестю отдать долг за квартиру, потом «Жигули» купил, тоже в долг. Рассчитался. Захотела жена дачу — купил, на ней стал гнутья. Не заметил, как сыновья выросли, потом их учил в мединституте. Не до чувств было.

Стали сыновья врачами. Времени больше, забот меньше, а непрошенная тоска тут как тут. Иной раз так накатывала, хоть плачь. И тогда в одинокой душе оживала та, которая давно, с молодости, там поселилась — сероглазая, улыбочивая, с ямочками на щеках... Удивительно, но факт: сколько ни приглядывался к женщинам (на работе, в санатории, куда с женой ездил) — ни разу не встретил ту, что надумал и загадал в юности. А время пролетело. Не заметил, как полтинник разменял, к пенсии дело идёт. Волосы белее, а тоска плотнее. Да, бежит времечко, торопится, отматывает годы, не остановишь.

А тут сыновья надумали жениться. Давно пора, обоим по двадцать пять. Встретили-таки сестёр-близняшек, тоже терапевтов. Сегодня вечером приведут и невест, и тещу. Отец погиб в горячей точке.

— Это сыновьям она тёща, а нам — сватья, — непонятно к чему уточнила Людмила, поджав тонкие губы. С годами она стала поджарой и бесцветной.

— Как сухое дерево, — с тайной досадой иногда думал про себя Алексей. — Ни тепла от неё, ни ласки, ни доброго слова.

Чистоплотная Людмила несколько дней яростно перемышляла-драила квартиру, наскоро привела себя в порядок: взбила жидкие волосы, брови и ресницы слегка подтемнила, серьги (подарок мужа за близнецов) достала из шкапулки. Затеяла холодец, винегрет, утку с яблоками на молочной бутылке в духовке, торт домашний. Кого сейчас тортом удивишь? Их вон десятками тиражируют, какие хочешь. Спорить с женой не стал. Последнее слово всё одно за ней останется.

— Ну что ты как чучело огородное? Переоденься, костюм новый в шифоньере, рубашки в комод, галстук... Людмила была вне себя от волнения, потому прицепилась и к нему.

– Я что ли жених? Что мне-то наряжаться?

– Лёша, сделай, как велю. Они с минуты на минуту будут! Не доводи до греха. Смотрины всё-таки...

– Ну хорошо, я сейчас. Не меня женят, – проворчал он.

Провозился с галстуком, чёрт бы его побрал! Когда вошёл в зал, гости уже сидели за столом.

– Вот, папа, наши невесты Инна и Юля, – повторил для него сын, вставая и краснея.

– Совсем как я в молодости, – только и успел подумать Алексей о сыне, как вдруг его словно током ударило: не веря глазам, он увидел за столом молодожавую женщину – сероглазую, улыбчивую, с ямочками на щеках, с копной русых волос, пышногрудую, с пухлыми губами...

– А это их мама, Алина Евгеньевна, наша общая тёща, – поднялся другой сын, но Алексей уже не расслышал его слов и вообще плохо соображал, что происходит. Дочери были как две капли воды похожи на мать. Разница лишь в возрасте. Даже тёмные родинки над верхней губой совпадали, и ямочки на щеках, и серые глаза под пушистыми ресницами. Он оторопело переводил взгляд с одной гостьи на другую, на третью... В глазах зарябило, даже голова закружилась, подкосились ноги, и он сел на подвернувшийся стул, хотя Людмила маячила ему на место рядом с собой.

В следующее мгновение будто от мощного замыкания что-то взорвалось у него внутри, а по жилам вдруг, разгоняясь и обжигая, заструилось и побежало электричество, сердце вспыхнуло многосвотатной лампой, молнией высветив самые заповедные уголки дремавшей души. В следующее мгновение услышал он тёплый грудной голос.

– Ну что, дорогие родственники, – сказала сероглазая сватья, вставая и поднимая бокал, – отдаю вам сразу два сокровища, моих милых доченок. Прошу любить их и жаловать... не обижать.

Она повернулась к Алексею и добавила:

– Я рада, что у Инны и Юли теперь есть отец, – голос её дрогнул, прекрасные серые глаза повлажнели, а уголки пухлых губ печально поникли. – Ну да что я о грустном? Выпьем за здоровье молодых! – встряхнула она русой волной и пригубила бокал шампанского, взглянув на свата. Их глаза встретились.

В то же мгновение сердце Алексея разнесло как трансформатор мощным взрывом вдребезги, на мелкие осколки. Он залпом опрокинул рюмку, налил вторую и тут же выпил, не почувствовав крепости, так был взволнован, потрясён, не то слово – ошарашен! Боковым зрением приметил вытянувшееся лицо жены, удивлённые глаза сыновей.

– Что со мной будет? – подумал он в страхе. – Зачем мне это теперь? Жизнь прошла...

Лёжа рядом с женой, которая уснула, едва коснувшись подушки (так умаялась с гостями), Алексей, поверженный, потрясённый, растерянный, смотрел в потолок и размышлял.

– Какое, оказывается, это благо – размеренная жизнь, как река в долине, без порогов и преград. И чего не жилось дураку спокойно? Вот тебе и помолвка! Закрутила и его, и сыновей.

Потом была шумная свадьба. Гостей со всех волостей понашло-понаехало, а уж забот навалилось! Молодых встречали на крыльце ресторана. Он, стоя между женой и сватьей, держал хлеб-соль. После обряда всей толпой повалили в нарядный зал. Родственники, как водится, сидели за одним столом, рядом с молодыми. Гости гомонили, смеялись, поздравляли, произносили тосты. Он сидел напротив сватьи. После пары рюмок осмелел и поднял глаза. Как она хороша! Теперь он совсем рядом слышал её бархатный голос и смех, видел сияющие глаза, милую улыбку и ямочки на свежих щеках, смотрел и не мог наглядеться, как она пьёт, ест, разговаривает, шутит. Вот оно, моё счастье – моя сладкая каторга! Маленький светильник в душе сам по себе засиял, разгорелся и вспыхнул так горячо и ярко, что с ним надо было срочно что-то делать. Как носить в душе это солнце и утаить его от людских глаз? Где взять такой рубильник?

Заиграла музыка, гости пошли танцевать. Он поднялся и пригласил Людмилу, но та отмахнулась – перешёптывалась с администратором и официантами. От неловкости Алексей направился к выходу, лавируя среди весёлой толпы танцующих. Вдруг на середине зала его с обеих сторон подхватили невесты, сватью подвели счастливые сыновья. Все взяли за руки, и закружился хороступ среди танцующих гостей под весёлую свадебную музыку.

– А ведь это и моя свадьба, – вдруг подумал Алексей, глядя в сияющие серые глаза. – Теперь я тайно обручён с той, что так долго ждал, искал, мучился. Пусть поздно, но ведь нашёл! Встретил!

Через неделю позвонил сын:

– Па, три путёвки достали в санаторий. Точнее, это бальнеологическая больница прямо на источниках, в тайге. Поездом сутки добираться. Водичка, ванны минеральные – чудо! Собирайтесь – вас двое и Юлькина мама. По-моему, она славная женщина. На всё про всё у вас два дня. Путёвки горящие, билеты купили.

На другой день женщины заволновались, заперешёптывались и пошли по магазинам прикупить кое-что в дорогу. Алексей остался дома. Стало смеркаться, а их всё нет. Вдруг звонок и тревожный голос соседки:

– Алексей! Людмила ногу подвернула, а может, сломала. Выдь, помоги! Скорую я вызвала.

В травмпункте сделали рентген. Перелома нет, но вывих лодыжки сильный и потому наложили лангету почти до колена.

– Покой, покой и ещё раз покой! – сказал травматолог.

– А нам завтра в дорогу, – вдруг вспомнил Алексей.

– Поезжайте со сватьей, не пропадать же путёвкам, – сказала Людмила, морщась от боли и не в силах ступить на ногу. – Я летом в Трускавец съезжу.

Сыновья практически несли её под руки.

– Как же ты одна? – совсем растерялся Алексей.

– А мы и жёны на что? По очереди накормим, напоим, а уж полечим по высшему классу.

– Да как-то неудобно, – засомневалась и Алина Евгеньевна.

– Ой, да он смирный, как телок, – успокоила Людмила. – Мухи не обидит. Присмотрите за ним.

И на другой день ошалевший от счастья Алексей со сватьей садились в поезд. Выехали после Нового года: через сутки начинался заезд. В купе полупустого вагона никого, кроме них, не было.

– Чем не свадебное путешествие? – с волнением и страхом подумал Алексей. – Может, насмелюсь, скажу, объясню... Он вышел в коридор и долго стоял у окна, глядя на мелькающие огоньки редких полустанков среди таёжных просторов. Насилу успокоившись, вернулся в купе.

Сватья, успевшая переодеться в синий шерстяной костюм, оттенявший её милое свежее лицо, на правах хозяйки застелила столик полотенцем, достала два стакана с ложками, выложила на бумажные салфетки варёную курицу, яйца, сало, огурчики. Поужинали, перебрались несколькими фразами. Женщина убрала со стола и сказала:

– Устала, переволновалась. Спать, спать! В пять вставать. Да разбудит ли проводница? Стоянка, говорят, всего три минуты.

– Я предупрежу её, – успокоил Алексей и вышел из купе.

Когда вернулся, прелестная спутница спала. Он сидел, смотрел и не мог насмотреться на её милый носик, пушистые ресницы, что трогательно, по-детски, подрагивали во сне, на тёмные в разлёт брови, на свежие пухлые губы. Рассыпавшиеся по подушке волосы усиливали очарование. Он всё сидел и под стук колёс любовался женщиной, о которой мечтал всю жизнь. И никто не мешал ему созерцать своё милое сокровище. Разве мог он мечтать о таком счастье?

Утром проводница устроила такой переполох, что все жаждущие оздоровиться нервно толпились в коридоре. Как только поезд притормозил, высыпали из вагонов и ломанулись рысью по заснеженному перрону к старенькому автобусу, который вряд ли уместит всех, если не резиновый, конечно.

– Граждане сидячие, примите на колени стоячих, а то сумки да чемоданы куда? На головы? – распорядился пожилой водитель.

Алина, которую Алексей в последний момент устроил-таки в углу на заднем сиденье, вскинулась лукаво:

– Садитесь!

– Нет, поменяемся местами, семнадцать километров по бездорожью трястись.

Она послушно встала, Алексей с трудом протиснулся на её место и, расстегнув для удобства дублёнку, посадил спутницу на колени. Она умастилась вполоборота к нему. В проходе яблоку негде было упасть от баулов. Он чуть не задохнулся в сладком облаке её волос. Из окна дуло, он привлёк женщину к себе, стараясь укрыть дублёнкой. Она прижалась к нему и затихла. Так они ехали в предутренних сумерках по заснеженной тайге и молчали.

Её поселили в палату на четверых, он попал в двухместную палату-люкс с полковником МЧС в запасе, участником Чернобыльской катастрофы, Героем России.

– Вадим Сергеевич, – протянул руку подтянутый, среднего роста, черноглазый, чернобровый, смуглый красавец, разительно похожий на Джохара Дудаева.

– У такого, конечно, никаких проблем по женской части, – подумал Алексей.

– Не скажи, – разоткровенничался на ночь глядя сосед. – Красивые тоже плачут...

И поведал о том, как пацаном влюбился в девчонку из соседнего села. За семь километров зимой на лыжах ходил, лишь бы увидеть свою ненаглядную Лидочку. Как-то раз сбился с дороги, чуть не замёрз в степи. Ох, и любил же её без памяти, до слёз! Потом поступил в военное училище. Переписывались, летом встречались. А как лейтенантские погоны получил, заехал на пару суток к матери в Одессу и тем же разворотом – в Казахстан за Лидочкой, а потом на новое место службы – в Приморье, на озеро Ханка.

– Звоню: мол, встречай, и слышу:

– Я замуж вышла.

– Ты не поверишь! Я пошёл топиться. Думаю, вот доплыву вон к той скале и головой вниз. Пока шёл к морю, одумался: а мать как одна останется? Она меня без отца поднимала. По ночам полы мыла, меня учила. Кто ей под старость поможет, если утоплюсь? Иду сам не свой, а впереди не девушка – Афродита дефилирует, фигуристая, с косицей ниже пояса. Не знаю, что на меня нашло:

– Девушка, паспорт у вас с собой?

– С собой, – отвечает.

Поворачивается, одной половиной лица – красавица писаная, а другой – сплошное родимое пятно. Виду не подал и спрашиваю:

– Пойдёте за меня замуж?

– Пойду.

– А в Приморье, на озеро Ханка, поедете?

– Поеду.

– И подали заявление. Показал направление в Дальневосточный военный округ, к директору загса сходил – зарегистрировали как миленькие!

– Ну и как насчёт «стерпится-слюбится»? – не вытерпел Алексей.

– Как? Обыкновенно. Живём. Две дочки взрослые, – сказал без особого энтузиазма полковник.

– А как же первая любовь?

– Представляешь, всю жизнь вспоминал, тосковал, иной раз так накатит, хоть плачь! Женщин менял, как перчатки, а про неё забыть не мог. Как осколок в сердце. А перед увольнением в запас решил и поехал в казахстанские степи, в деревню, где учился. Приезжаю гоголем, на плечах две звезды, на груди – боевые ордена. Вырядился в пух и прах, туфли новые, аж блестят! Там же начало зимы как у нас осень, и вдруг снегу навалило! Я в районную МЧС. Так, мол, и так, боевой офицер приехал на родину, а по улицам не пройти. Тут же газик в моё распоряжение и председателю колхоза команда – расчистить улицы, чтоб Герой России шёл как по кремлёвской площади.

Подъезжаю. Специально на краю деревни машину тормознул, чтоб это, значит, по улице к школе пройти, односельчан посмотреть, себя показать! А там уже все одноклассники, учителя, знакомые. Такой пир закатили, только шум стоит. Я всё оплатил. Однако пора и честь знать. Откланялся, спасибо, мол, за хлеб-соль. Мне в заветную деревню не терпится. Там тоже марафет эмчээсовцы навели.

Подхожу к знакомому дому, аж ноги затряслись и сердце зашло, а из калитки навстречу баба – седая, тол-

стая, в кирзовых сапогах и в телогрейке, и двух зубов спереди нет.

— Лидочка, ты?

— Я!

— Так ты ж в Новосибирск собиралась!

— Ну, ездила... Муж пить стал, бил, как собаку, едва ноги унесла. С тех пор здесь, у родителей. Их схоронила, теперь одна, как перст. Я всегда знала, что ты за мной приедешь!

— И кинулась ко мне с объятиями, а от самой чесноком и самогоном за версту разит. Зашли в дом, а там печь на полхаты, чугуны, ухваты, стены закопчённые. Я обалдел, схватился за голову, ноги в руки и наутёк, как чёрт от ладана. Только меня и видели.

Полковник от волнения вскочил с кровати:

— Ну не дурак ли? Твою мать! Всю жизнь по бабеге страдал!

Всегда сдержанный Алексей так хохотал, что из соседней палаты постучали: ночь всё-таки, совесть иметь надо.

— А мне жена изменяет, — ляпнул он вдруг ни к селу ни к городу.

— С чего ты взял?

— Письма нашёл. Случайно. Ремонт делал и нашёл. От Эдика из Трускавца. Она туда каждый год ездит желудок лечить. Да главное дело, со мной всю жизнь как снежная королева, как верста дорожная. А он пишет:

«Жар-птица моя! Не жизнь без тебя, а мука. Знойная моя ласточка! Весь год жду тебя, моё солнце!»

— Ну, ты, того, не унывай, с кем не бывает, — посочувствовал Вадим Сергеевич. — Клин клином вышибают. Влюбись, брат, полегчает. Верное средство. Проверил не только на соотечественницах — служил в Германии, Чехословакии, Польше. Это уж я в Афгане да в Чернобыле лиха хватил по самое не могу. Жизнь — дама капризная. То она к тебе всей душой, и тогда ты в шоколаде, а то вместо «Шанели» таким дерьмом обдаст... Давай, однако, спать, поздно уже...

Бравый полковник и скромный электрик подружались и вдвоём провожали женщин из Алининой палаты — на процедуры в ванный корпус, в столовую, гуляли по лесным дорожкам под звёздной россыпью. Рождество встретили на заснеженном озере среди ослепительно белой берёзовой роши в окоёме малахитовых сосен и елей. Несмотря на морозы, организовали роскошное барбекю на лесной поляне под мохнатыми пихтами. С первого до последнего дня всё было по законам волшебного жанра! Возвращались из санатория всей компанией в переполненном вагоне...

— Ох, не врут люди! Есть она — любовь, чёрт бы её побрал! Да только что с ней прикажете делать? Загаданная, жданная, желанная! Явилась — и опалила, и жжёт огнём так, что хоть плачь, — чертыхался на чём свет стоит электрик Петраков, привычно шагая на работу.